

ЖВАЧКА

Маленький кусочек из жизни

Эх, надо было выйти на минуту раньше!

Автобус вильнул грязной кормой и величаво отчалил от остановки. Бежать за ним бесполезно – впереди ещё добрая стометровка пустыря, затем подъём на откос. Водитель, даже если увидит в зеркалах мелькнувшую фигурку, вряд ли станет ждать – мало ли кто тут у дороги шарится.

Смотрю на смартфон: опоздал всего на полминуты. Что за подлый фокус! Следующий автобус будет только через час.

Уныло бреду на остановку и, прежде чем сесть, внимательно осматриваю брусья скамейки – не уготован ли мне еще какой-нибудь «сюр-

приз». Вроде чисто. По металлической кровле павильона вкрадчиво постукивает дождь. Его только не хватало!

Через минуту под навес ввалилась грузная розовощёкая бабка. Установила сумку-тележку и перевела дух.

– Автобуса не было? – спрашивает.

– Только что ушел, – отвечаю.

Бабка досадливо пучит глаза:

– Ну, едрит-мадрид! Давно?

– Только что, – повторяю. – Минуты две назад.

– Что ж он, раньше что ли уехал?

Она роется во второй сумке, висящей у нее на локте, и вынимает телефон – простенький, с большими кнопками.

– Так время-то еще без трех! Что ж ты тень на плетень наводишь?

Как подсудимый, получивший право последнего слова, я активирую сенсор смартфона и поворачиваю широкий экран к бабке.

– Три минуты десятого. У вас, наверное, часы, отстают.

Бабка смотрит недоверчиво. И я уточняю:

– У меня время синхронизировано через интернет, показывает точно.

В попытке удержать ускользящую надежду, бабуля делает шаг из-под навеса и смотрит в пустынную даль, не видно ли автобуса. Наконец, признает очевидное:

– Опоздала.

Я пожал плечами. Хотел отвернуться, да смотреть особо некуда. Стал смотреть на бабкину тележку. Что они постоянно возят в этих своих тележках? Захотелось спросить, да как-то язык не повернулся.

Бабка еще раз просканировала в обе стороны пустую дорогу и шагнула под навес. На скамейку перед посадкой не смотрит – хуже уж не будет!

– И ведь думала, что пораньше надо идти, да этот мой знахарь говорит: чего, мол, зря на остановке торчать, автобусы ходят чётко, по расписанию. Умник, прости господи! Как бы теперь еще на обратный автобус успеть, а то буду ночевать под кустом, как бомжиха.

– Давайте, я вам на телефоне правильное время поставлю. Может, и не опоздаете больше?

Бабка смотрит на меня изумленно, дескать, вот ты светлая голова, – и соглашается:

– Ага, поправь. – Снова копается в сумке и протягивает свой неказистый приборчик. Тыкаю кнопку «меню», ищу нужные настройки.

– А можешь мне звонок на будильнике выключить? Я-то чуть свет

сама встаю, а он каждое утро тренькает.

– Да, сейчас отключим, – говорю. Сверяю время со своим широким, как автомобильное зеркало, дисплеем. Тыкаю несколько раз на кнопки.

– Готово!

– Вот спасибо! Мой-то знаток всё с канала на канал тычет, где кто кричит погромче. Лучше всех всё знает: что да как надо делать. Прямо министр. В драных штанах. А время поправить не может. Ему то что, он дома сидит. Ждет, когда власть советская вернется. Только годы-то уж не вернуться. И ума не прибавится. Нам уж на тот свет собираться пора.

– Да что вы, бабушка, – из вежливости протестую я, – вы еще нас переживете.

– Ой, не дай бог, не дай бог.

Я понимаю, что ляпнул глупость. Чтобы чем-то занять рот, лезу в карман за жвачкой.

– Хотите? – протягиваю пачку. Она опять смотрит с недоверием.

– Жвачку? Ну её – гадость! Последние зубы выпадут.

– Да, что вы, – уверяю, – наоборот полезно. И вкусно. Банан-клубника. Берите!

Видно, как она преодолевает сомнение, вероятно, похожее на то, как я хотел спросить про сумку на колесиках, да не решился. Наконец, тянет руку:

– Попробую.

Выдавливаю из фольги на ладонь одну подушечку.

– Как таблетка, – шутит бабка, – как бы по привычке не замахнуть.

– Раскусите и жуйте, – учу я. – Вкусно!

Бабка разжевывает. Сперва морщится, заведомо настроившись, что ей подсунут гадость. Но через миг лицо её разгладилось, глаза блеснули.

– Банан-клубника? Я только клубнику чувствую.

Пожимаю плечами и улыбаюсь: уж как есть. Не стал шутить, что банан чиновники украли. Бабка двигает челюстью, смакует.

– Ну, вкусно, да, – соглашается она довольно быстро. – Мы-то всё зефир покупаем, да вафли. А химию всякую стараемся не брать. Мой даже пить перестал. Не та сейчас, говорит, водка – не весёлая, говорит, не живая! Одна радость, если самогоночки кто принесет.

– Самогоночки у меня нет, – отзываюсь я.

Бабка жуёт. Дождь, кажется, перестал.

– А потом её куда?

– Как вкус кончится – выплюньте.

Схема простая. Как всё в нашей жизни, да и как сама жизнь. Гово-

речь больше не о чем, и мы долго молчим. Я покрутил ленту инстаграм, посмотрел мессенджеры: новых сообщений нет.

Мусорную урну с остановки давно утащили. Сплюнуть жвачку под ноги при бабке неловко. Иду к обочине, будто посмотреть, не едет ли автобус. Там сплевываю.

– Не видно?

– Неа, – отвечаю. – Дождь кончился.

– И то слава богу, – соглашается бабка.

Снова молчим. До автобуса еще минут пятнадцать. Я смотрю на сумку-тележку и предполагаю, что в ней может лежать. Картошка? Пустые банки? Старая телогрейка? Газеты? Но зачем везти из поселка в город старые газеты или банки? Бабка вроде не чокнутая. Может, гостинцы, соленья какие-нибудь? Спросить бы, да неловко.

Вдали, на повороте дороги сверкнуло стекло. Автобус! Бабуля задумчиво смотрит куда-то вбок и жует жвачку.

– Автобус, – говорю. И поднимаюсь. Она тоже встает:

– Ну, слава богу!

Я смотрю на экран смартфона.

– Минута в минуту. Как в аптеке!

И тут бабка говорит:

– Слушай, внучок, а дай мне еще одну?

– Жвачку? – Лезу в карман и протягиваю ей початую упаковку: – Берите всю! Угостите деда. А я себе куплю.

Она долю секунды сомневается, но берет пачку.

– Угощу. Пускай попробует. Мы в жизни много чего хлебнули. Пусть не всегда сладко было, а всё-таки жили мы хорошо. Я вот теперь это поняла. И он пускай попробует и поймет, что жили-то мы лучше.

Автобус обдал жаром и замер перед навесом. Двери с шипением и лязгом распахнулись. Помогаю бабке затащить тележку. Тяжеловато, едрит-мадрид.

– Что у вас там?

– Огурцы, – отвечает она.

Я почти угадал.

ЧАСИКИ ТИКАЮТ

Рассказ

Всякой вещи под небом своё время...

Екклесиаст

10

Я счастлив оттого, что Она мне рада. Например, сегодня помахала салфеткой, когда заметила, что я смотрю через витрину, как она хозяйничает за стойкой. Я чуть не взмахнул в ответ... но сердце едва не выскочило из груди. Кто-то возразит, что Она добродушный человек и приветливо встречает всех гостей, я же считаю, это просто смешно: кафе посещают сотни людей, свободные столики здесь редкость. Так что не в гостеприимстве дело, нет. То ласковое тепло, что я вижу в Её глазах, лучше тысячи слов подтверждает нашу особую взаимосвязь. О, да...

Но как же я грущу по этой невысказанной тысяче слов.

Не могу отвести глаз от Её тонких пальцев, когда она ставит передо мной чашку. На край блюда Она всегда кладет ложечку, хотя знает, что я предпочитаю без сахара. Эта ложечка – ключ. За месяцы нашей связи Она не могла не узнать, что сахар я никогда не добавляю. Но снова и снова бережно кладёт блестящую ложечку, словно посылает какой-то знак, приглашает открыть дверцу...

А я снова не нахожу в себе на это силы.

Выпиваю кофе, иногда чай, и молча уношу за дверь ворох смятений. Искра надежды не родит пламя, но от встречи к встрече привносит толику света в космос моих мыслей.

Ложечка остаётся на блюде.

Видит бог, настанет час, когда ключ исполнит свою роль, и Её ладонь окажется в моей. Всему своё время.

Утром я задумался о том, какой прекрасной может быть жизнь, если исправить в ней буквально пару обстоятельств... и каша опять подгорела. Сколько уже я перевёл крупы! Хоть не готовь вовсе. Однако постоянно завтракать в бюджетной «Ложка-ёшке», а тем более в «Профи-троли» возможности нет – почти весь доход уходит на книги.

Можете думать что угодно, но я не считаю приобретение хороших книг худшим пристрастием человека.

Когда-то я напишу и свою книгу. Большую книгу, глубокую. Пожалуй, для этого я и явился на свет. Чем больше вокруг меня других великих книг, тем сильнее ощущаю, как внутри вызревает что-то особенное, что-

то важное. Пока не могу сформулировать, что именно мне хочется сказать, но чувствую, что это где-то близко. Должно быть, так юная Мадонна ощущала в Своем чреве зарождающуюся жизнь.

Ласкаю взором полки. Книгами в моей комнате заняты две стены, вдоль третьей – кухонные дела, еще в одной – окно. У окна старинный кривоногий стол, за которым я обедаю и делаю заметки. Сплю на удивительно удобной кушетке. Удобство её, главным образом, заключается в том, что книги с нижних полок можно брать, не вставая. Свободного места на дощатых стеллажах нет, и я восхищаю себя чудесами находчивости, перекладывая бумажные кирпичи таким образом, чтобы в появившееся пространство можно было впихнуть еще несколько томов. В этом деле я точно гений.

Однако, пора! Сладкий зуд предвкушения не позволяет сидеть на месте – сегодня Она может стать моей! Нет, нет, не хозяйка серебряного ключа, а новая обительница стеллажа.

Кастрюльку с чадающей кашей оставляю у распахнутого окна. В прохладные ущелья улиц вырываюсь слегка голодным.

9

«АльхамдулиЛляхи раббилъ ‘алямин!»¹

Иногда ему снова снится вертолет.

Сначала просто становится тревожно. Бахти ставит на камень очага алюминиевую кружку с молоком и смотрит в дверной проём. Вслед за тревогой в груди появляется мелкая дрожь. А когда маленькая точка выпархивает из-за склона по ту сторону ущелья, дрожь обретает звук. Рассекающие ветер лопасти стремительно приближают вертолет к селению. Люди выскакивают из жилищ и вглядываются вдаль. Горы не любят шум. Шумно здесь только тогда, когда приходит беда.

«Аузу билляхи мин аш-шайтани р-раджим»².

«Что им нужно?»

Ответ на этот вопрос прост: ничего!

Из-под крыльев боевой машины одна за другой срываются шесть ракет и устремляются к прижавшимся к скудной земле лачугам. Покрытые тысячелетними мхами камни встают стеной и заслоняют небо...

Бахти просыпается. Он не вскрикивает, не садится на постели с тяжело бьющимся сердцем. Просто открывает глаза и смотрит в потолок, или на узоры ковра, устилающего пол.

В который уже раз ему снится этот дурной сон. К чему? Слава богу,

1 Хвала Аллаху, Господу миров! (араб.)

2 Прибегаю к защите Аллаха от проклятого сатаны (араб.)

войну он видел лишь по телевизору, да и в горном селении бывал всего раз в раннем детстве. Но то селение было совсем не такое, как во сне. Там благоухали фруктовые деревья, и бабушка Фируза пекла к приезду внука несколько корзин самбусы с разными начинками. Вместе с дедом каждое утро они с восторгом подсчитывали, сколько штук в него влезет в этот раз. Обычно влезало четыре. Дедушка был доволен: «Молодец, Бахти! Расти большой!..» Бабушка была рада.

Радиаллаху анхума!

Всё бы ничего, но пришли времена, когда с работой у отца стало совсем плохо. И вот они перебрались сюда. Сначала всё вокруг казалось чужим. Но здесь лучше. Лучше работает транспорт, не отключают электричество, рядом с домом хорошая школа для младших братьев. И отец доволен – занимается любимым делом. Вообще-то, раньше он работал в приборостроительном бюро, но здесь открыл мастерскую по ремонту радио и часов, принимает заказы по электрике – навесить бра, люстру. Мама шутит: «Многостаночник». А он всерьез подумывает, не поучиться ли ему подбивать каблуки. У него еще остается немножко времени, и он не хочет тратить его впустую.

Когда уезжали, Бахти было шестнадцать. Сначала ему было интересно посмотреть новые места, получить новые впечатления, он думал – все перемены ненадолго. Но теперь, когда он стал взрослым, то пытается понять, почему, чего ради он – таджик – бросил родную землю и отправился в чужой край? Да, здесь автобусы и трамваи, электричество без перебоев, горячая вода... но они – и братья, и мама с отцом, и многие другие – все они здесь чужаки! И никогда не станут своими. Отец и слышать не хочет о том, чтобы вернуться. Только уладили вопросы с гражданством. «Здесь теперь наш дом», – говорит он, и глаза Бахти вспыхивают восточными звездами. Он знает, где его Дом, где его корни, и не хочет от них отказываться.

Но что он может сделать?

Только молиться.

Придет час, и всё встанет на свои места. Иншаллах.

8

«Мама, почему меня назвали Славой?» Она смеется и лучистыми глазами заглядывает в свою юность, руки ложатся на живот, словно там снова свершается таинство зарождения новой жизни. «Ну, почему?.. не знаю... перебирали имена и выбрали самое красивое. Есть актер Вячеслав Тихонов, Штирлиц, твоя бабушка была в него влюблена...»

Что может быть важнее, чем находить ответы на вопросы? Слава

всегда умилял окружающих своей любознательностью. Когда ему было шесть, и он толком не умел ни читать, ни писать, душу царапнула шуточная загадка: «Почему ветер дует? Потому, что деревья качаются!» Вопрос-ответ. Всё просто и понятно. Но что-то было не так. Спустя несколько дней Славик немало озадачил сверстников, поведав о движении воздушных масс, толкающих друг друга за счет разницы температур: теплее – вверх, холоднее – вниз. Вот, почему ветер!

Когда на волнующий вопрос удаётся добыть исчерпывающий ответ – это, без сомнения, победа! Чувствовать себя победителем приятно. Победа даёт уверенность, улучшает настроение, аппетит.

Но с каждым годом вопросы становятся сложнее, а догадки втискиваются в понимание с таким трудом, что уверенности в них нет. Другие и вовсе мучают незаживающими ранами.

Мама говорит: «Слава, ты идеалист!» Возможно. Но жить без побед – больно.

Как и все подростки, Слава увлекается то одним, то другим. Меняются взгляды, предпочтения, ориентиры. Блуждая в бесконечном поиске, окончил школу кое-как. Учителя так и не сумели пробудить интерес к школьным предметам. «Слава, ты постоянно витаешь в облаках. Как ты собираешься жить?» – директриса всерьёз озадачена, но тянуть Славу на тройках до одиннадцатого класса не видит резона. И вот, он поступил в техникум, получил специальность, начал работать в фирме, приносить деньги. Мама не нарадуется. А Слава от вопроса к вопросу умножает свою боль. Мир пляшет вокруг, потрясая острыми пиками, нацеленными в его сердце.

Если бы кто-то спросил: что может сделать Славу счастливым? – он бы ответил: возможность всё изменить! Что, всё? Да всё – весь этот мир, отравленный равнодушием и обманом.

Спросите: как? – и острое копьё полетит в цель.

Болью обжигает понимание, что всё, о чём написано в блистающих мудростью книгах, о чём светлые головы столетиями толковали на кафедрах и призывали с трибун – лишь попытки трактовать то, что нам неподвластно. А значит – всё это ложь. Мы надменно пытаемся установить некие правила, но способны ли жить по собственным законам? Символ одной из попыток трактовать вселенские истины смотрит на Славу с алтаря мертвыми глазами. Из-под нарисованных ребер сочится темперная кровь.

Больно, когда ты не находишь ответа...

Больно... пока ты жив.

Кровавая пляска в предвкушении догадки вознесла пики. В изра-

ненной груди громко забилося сердце победителя...

Особую силу Слава чувствует в людях с Востока. Их дикая преданность своим святыням кажется честной. По крайней мере, за свои идеалы они готовы не только убивать, но и умирать, отдавая высшую цену. Мир вздрагивает от таких примеров, как от пощечин. Страх даёт ощущение слабости, и это рождает злость. Слабость питает ненависть, которая может вырасти больше страха и дать ощущение силы. Но является ли ощущение силы истинной силой?

На стенде у ворот изображено белокаменное сооружение с изящным минаретом и куполом – мусульмане собирают деньги на строительство. А пока молятся за стенами, обшитыми профлистом. Над зеленой двускатной крышей блестит жестяной полумесяц.

Слава душит в себе нерешительность. Страшно нарушить чужие правила, навлечь на себя гнев. Еще страшнее уйти без ответа. Он проходит через двор, ставит кроссовки рядом с несколькими парами туфель у входа и ступает через порог. Зал совсем маленький, на полу ковровые дорожки, в простенках свитки с арабской вязью.

– Что вам угодно, молодой человек?

Мужчина в белоснежной шапочке шагает навстречу. Голос не гневный. Очерченное короткой бородой лицо не вызывает страха. Из зала на Славу с любопытством смотрят еще несколько пар глаз.

– Извините, – лопочет Слава, – я не мусульманин... но я живу в этом городе, и мне давно интересно было посмотреть...

– В этом нет греха, – уверяет мужчина. – Бог един! – И окликает одного из юношей позади себя: – Бахти, покажи гостю наш молельный дом, ответь на его вопросы.

Высокому смуглолицему алибабе (как про себя определил его Слава) лет двадцать. Коснувшись локтя юноши, мужчина с бородкой представил:

– Это Бахти, у него чистое сердце. Машааллах!

Слава не знает, нужно ли пожать новому знакомому руку, и не знает, чистое ли сердце у него самого. Говорит:

– Так светло у вас тут.

Бахти улыбается. И, кажется, в комнате становится еще светлее.

Недалеко от мечети ручей. Сели на поваленное дерево, за долгие годы изрезанное сотнями ножей. Слава немного странный, дёрганный, но Бахти нашёл его интересным человеком. Он ощутил в нём силу, а если точнее: не почувствовал слабость. Если кто-то попросит охарактеризо-

вать Славу одним-двумя словами, то Бахти подумает и скажет: он воин.

– Нет, у нас не было войны, – рассказывает он о своем детстве в Худжанде. – Были плохие люди, которые хотели много денег, власти, не почитали Пророка, проливали кровь. Но и в России ведь было не лучше. Наверное, ты, как и другие здесь, думаешь, что ислам – это всегда террористы, это всегда героин, средневековая дикость? А я знаю, что ислам – это дар человеку, чтобы мы могли прожить жизнь достойно.

– А весь трэш, конечно, устраивает шайтан?

– Ты правильно всё понимаешь, тебя не надо ничему учить, – смеется Бахти. – Мир под небесами состоит из противоречий. Свет-тьма, огонь-лёд. Человек часть той же системы и подвластен тем же принципам, почему мы должны вести себя иначе? Все войны не ради войны, а ради мира. Парадокс. Бог, олицетворяя доброе начало, дает людям равновесие, чтобы не осталось только зло. Но мы помним, что другая сторона есть у всего. Ты сам выбираешь свою половину.

Боль не становится тише. Слава вроде и не слушает Бахти, взгляд у него рассеянный, кажется, сейчас, не говоря ни слова, он встанет и уйдет. Но нет, он слегка улыбается, качает пальцем и начинает говорить, теперь его слушает Бахти. О чём бы ни сказал один, другому есть, что на это ответить. И это такое счастье, оба упиваются разговором, как птицы, поймавшие попутный ветер. Дня не хватило, и они встретились в другой раз, потом в третий.

Однажды Бахти пригласил Славу попробовать настоящий таджикский плов и познакомил его с отцом. Они зашли в мастерскую, и Слава с восторгом разглядывал через линзу микроскопические колесики часов, интересовался предназначением различных радиодеталей, разложенных по баночкам, сам пробовал что-то паять. Вечером отец с гордостью рассказывал маме про русского друга Бахти. В душе он надеется, что старший сын оставит мысли о возвращении в Таджикистан.

«Пора не пришла, – думает он. – Еще слишком опасно».

6

Прошло время.

«Слава так плохо ест, – жалуется мама соседкам. – Связался с какими-то моджахедами. Я места себе не нахожу!...»

Он не может объяснить, чем полны его мысли. У него нет ответа ни для нее, ни для себя. Острыми шипами его мозг раздирает вопрос равновесия между добром и злом. А точнее, тревога о том, что никакого баланса давно нет – мир схлопнулся, медленно задыхаясь под тяжестью перевернутых чаш. Оказавшись во мраке, мы с жадным чавканьем унич-

тожаем последние святыни. А вместо проблесков света только боль.

Слава не хочет верить, что всё именно так. Словно переубеждая себя, он приводит примеры людей достойных, светлых. Загибает палец за пальцем, сжимая ладони в кулаки. Несколько примеров, всего несколько примеров. Хочется закрыть лицо руками и кричать.

Слава вспоминает мастерскую отца Бахти, где под умелыми руками оживают разбитые часы и радиоприемники. Запах припоя, радиодетали в баночках, маленький молоток на верстаке...

Крохотный верстак в неизлечимо необъятном мире.

«Хочешь раскачать дерево, чтобы поднять ветер? Глупец!..»

Истина грубо давит ногой на грудь и мешает дышать.

Это невыносимо.

Слава бьется лбом о собственные кулаки.

Тоскуя по ощущению победы, он искал ответы на большие вопросы для всего мира, а нашел маленький ответ для себя.

Малюсенький, как переключатель, способный замкнуть цепь.

5

И вот Она моя!

Какое счастье, что книга оказалась на том же месте, где я оставил ее в прошлый раз. Обложка без потертостей: ни дарственных надписей, ни штампов! К тому же удалось полсотни сторговать.

Впрочем, сэкономить не получилось.

Обретя путевые очерки Гейне, захотел прихватить еще что-нибудь из немецкой классики. Артурчик (бойкий продавец из «Буки-Веди») раскопал для меня пухлый сборник пьес Шиллера с комментариями и «Критику чистого разума» Канта. Вместе все три книги смотрятся весьма внушительно. Хорошее приобретение!

Дома пришлось изрядно покумекать, перераспределяя горизонтальные стопки и вертикальные ряды книг на двух нижних ярусах стеллажа. Германцы требовали соответствующего соседства. Вынимая и вновь всовывая книгу за книгой, я перепробовал массу всевозможных вариантов. И наконец – perfecto! – все книги в лучшем виде встали по местам.

Теперь – отскрести кастрюльку от сгоревшей каши, что-нибудь по-быстрому сварить и можно немного поработать. Недавно я решил перевести в электронный вид свои детские вирши: стопка тетрадей вторую неделю дожидается на столе. Тешусь надеждой вновь ощутить в парусах дуновение Эола, соприкоснувшись с тем, что вдохновляло душу десятилетия назад.

Распустив сиреневые косы, ночь тихонько пошла по улицам, под-

свечивая себе поднятой в руке луной. Зеваю. Стихи в тетрадах угловатые, наивные, и парус души остаётся недвижим. Прикрываю окно и, выудив с полки Шиллера, плюхаюсь на кушетку. Эта книга даже лучше, чем очерки Гейне: матерчатая обложка, тиснение, красивый шрифт..

Лежу на боку, опершись щекой на ладонь. Внезапно что-то хрустнуло, и тело дернулось от убийственного удара по затылку и плечам. Перед глазами заметались цветные пятна. Грудью вдавил Шиллера в стонущую кушетку. Сильной боли нет, но сердце бешено колотится. Руки онемели. По крайней мере, не могу ими шевельнуть. Свет торшера крохотным отсветом лучится сквозь навалившуюся тьму.

«Боже, что это? Я умираю...»

Мысль о смерти забила в голове, как брошенная в пустое ведро рыба. Нет! Еще слишком рано! Я столько должен сделать! Я не могу!..

Через секунду шок начал растворяться в ощущении придавленности. Физически чувствую дискомфорт – что-то уперлось в спину, давит в затылок. Боль в теле успокаивает: «Нет, я не умираю. Просто что-то свалилось сверху...» Попробовал пошевелиться. Раздался шорох, и навалившаяся на плечи масса подалась. «Это книги! – догадался я. – На меня обрушился стеллаж! Вот дьявол!..»

Приложив небольшое усилие, выбрался из-под завала. Голова гудит, как замирающий после набата колокол – звездануло меня здорово. Трясущимися пальцами ощупываю темечко – в одном месте шишка, за ухом, кажется, сочится кровь. Изумленно озираю место погрома: две нижних полки сорвались с креплений, и три сотни томов вывалились кучей на кушетку. Собрания сочинений, хрестоматии, романы, сборники эссе...

Ноги слабеют, и я сажусь на пол. Появилась тошнота. Вероятно, от шока резко изменился состав крови. Боже! Сидя на полу, я вдруг ощутил себя насекомым. Жалким настолько, что меня чуть не убило книжкой. Гости на похоронах от души похохотали бы, узнав причину моей кончины. И ведь никому не будет дела, что я, возможно, был на пороге создания чего-то значительного в литературе.

Стало противно. Но не от слабости в теле, а от того, о чем думаю. Пусть звучит как шаблон, но в этот миг я прозрел. Перед бледным лицом призрачным укором встали предыдущие тридцать лет жизни. Встали и подрагивающим сумраком канули в ночь, чтобы никогда больше не вернуться. Всё, что осталось – гора непрочитанных книг...

4

– Слава, твоя мать сказала, что ты последнее время сам не свой. Я тоже это заметил. Что с тобой происходит?

– Прости, Бахти, я не хочу впутывать в это тебя. Есть вопросы, на которые нет правильного ответа.

– О чем ты говоришь?

– Мне очень страшно, Бахти. Я знаю, ты бы смог меня понять. Но я не хочу делить с тобой боль. Пусть она уйдет со мной.

– Мне не нравятся твои слова. Что ты хочешь сделать? Мой отец говорит, ты приходил в мастерскую...

– Прости, Бахти!.. Я должен идти.

– Слава, послушай!..

Связь обрывается.

Бахти набирает снова, но абонент недоступен. Когда воин говорит о долге, значит, он идёт на войну. Бахти ставит кружку с молоком на стол и смотрит в окно:

«Где ты, Слава? Что ты задумал?»

В груди – там, где сердце – затрепетала тревога...

3

Она кладет на блюдце ложечку:

– Ваш чай!

Янтарный тёплый взгляд касается моего лица. Черпнув силы из шишки на темечке, мягко беру в ладонь её запястье.

В этот миг в кофейню заходит молодой человек. Несмотря на солнечный день, на нем плотная спортивная куртка. Он осматривает зал: почти все столики заняты – и двигается к стойке.

– Послушайте. Я давно хотел вам сказать, – говорю я.

Она замерла и слушает.

Парень в куртке видит, что работница кофейни занята, и встаёт у стойки чуть в стороне, стараясь не мешать. Я решаюсь окончательно:

– Каждый день, когда я смотрю на вас, моё сердце переполняет радость. Я долго что-то искал в этой жизни, витал в облаках, но мое счастье всегда было рядом. Моё счастье – это вы!..

Её брови приподнимают скользнувшую по лбу морщинку, словно она видит перед собой умильного слепого котенка. Парень смотрит на нас. В его руке какая-то штука с батарейками и кнопкой.

– Выходите за меня замуж! – вываливаю я, оглохнув от собственных слов. Меня опять тошнит. Она кладет свою ладонь поверх моей, и говорит:

– Это так трогательно. Я всегда знала, что вы очень милый. Но вряд ли мой муж одобрит вашу идею.

И снова по моему затылку шарахнуло стопкой книг.

Парень поглаживает большим пальцем кнопку и смотрит, смотрит,

черт бы его побрал! Мои глаза ни с того ни с сего наполняются слезами. Я моргаю, и слёзы текут по щекам...

– Простите, мне нужно идти, – она высвобождает руку и, подав мне салфетку, исчезает за барьером.

В этот момент в кафе заходит еще один юноша. Темные волосы, смуглая кожа. Он сразу видит того, кого ищет.

2

«Мы всё время жуём! Это всё, что нам нужно?» Повернуться спиной к голодному, отвернуться от больного, закрыть глаза на любую мерзость, чтобы только не портить аппетит. Если встанет выбор – принять плеть за слово правды, или досыта набить брюхо – многие ли будут сомневаться?..

Кафе называется «Профитроль». Подходящий символ для обнищавшего духом общества. Взбитые сливки, а не высеченный в граните милосердный крест. Пересекая зал, Слава переводит взгляд с одного жующего лица на другое. В груди неудержимо закипает гнев, и хочется немедленно всё это закончить... но какой-то нелепо взъерошенный человек у стойки держит женщину за руку. Наверное, он хочет сказать что-то важное. Женщина замерла и ждёт. Имеет ли кто-то право им помешать? Кто знает, быть может, эти двое только и жили ради этих слов?

Через полминуты всё кончено... чудо не произошло.

Глаза чудака за стойкой наполняются слезами, и Слава готов разделить с этим несчастным лекарство от боли. Он медленно расстегивает молнию куртки.

В этот миг появляется еще один человек.

– Слава! Стой!

Замерев у входа, Бахти протягивает ладони, умоляя не спешить. На груди у друга он видит шесть опутанных проводами цилиндров – три с одной стороны, и три с другой. Вспоминается вертолет из сна. Но теперь это не сон.

– Слава, ты воин, – говорит он. – Не позволяй шайтану тебя победить...

Тут бы сказать что-то вроде: «Всегда кто-то сильнее, Бахти! Так устроен мир...» Но вместо этого, как зверь из клетки, рвётся очередной вопрос без ответа: «Зачем, зачем ты пришел?! Твоё имя одно из тех, что сжаты в кулаках...»

Под большим пальцем маленький переключатель, терпеливорывающий цепь. Для щелчка хватит одной секунды...

СТАРЦЕВ ПОСОХ

Сорняки здесь выше человеческого роста...

С.Д.

– Интересное название, – перекрикиваю я треск мотоцикла.

Только что за спиной остались несколько черных, скособоченных изб и знак с перечеркнутым словом «Гибелево».

– До революции был тут барин, отставной полковой интендант Гибелев, – кричит дядька Саня, не поворачивая головы. – Деревушка была Захудалая, а как Гибелев церкву построил, так и переименовали. Какая же Захудалая, когда под божьим крестом? Потом церковь и половина деревни сгорели, Гибелева мужики с пьяных глаз на вожжах повесили, а название осталось.

Прям триллер. У дороги валяются ржавые молотилки, другие покореженные детали от комбайнов. Среди трофеев вольготно распустились выигравшие в битве с колхозом синие васильки. Кричу:

– А у меня тут неподалеку родня какая-то вроде есть! За озёрами.

– Кто ж такие?

– Шмелевы вроде, если по матери.

Саня неуверенно кивает: вроде есть такие, слышал.

Вокруг до горизонта простираются волнистые, поблёкшие поля. Там-сям темнеют черточки далеких рощ, перелески. Впереди у дороги замаячил еще один указатель. Жду, когда подъедем, чтобы прочитать.

«Старцев Посох, 4 км» и стрелочка.

Смотрю в указанном направлении – всё та же целина с высокими бурьянами, у горизонта лес.

– Эх, воля! – кричу, приподнявшись в коляске, как на стремянах.

– Только гулять некому, – сыпет в ответ дядька. Сбавляет скорость, и вот мотоцикл катится по мостку, перекинутому через овражек.

– Покурим.

Саня глушит двигатель. Я выкидываю ноги из люльки, ступаю по траве и с удовольствием разминаю чресла. Без остановок мы пилили часа полтора. В овраге журчит ручеёк.

– Старцев Ключ. Никогда не замерзает.

Дядька чиркает спичкой и присасывается к папироске. Синее облачко летит по ветру. Я не курю, поэтому сую в зубы стебелек. Мост по виду крепкий, из окаменевших бревен и толстых плах (чтобы проходили трактора). Под настилом в сумраке булькает водица.

– Старцев Ключ, Старцев Посох, – перечисляю я. – Небось, ты,

Саня, и про старца этого байку знаешь?

– Знаю, – отвечает дядька без долгих раздумий. Скидывает с плеч пиджак и стелет на траву. – Отдохнем маленько, – Я сажусь неподалеку, но так, чтобы не дышать дымом.

– Вот здесь по бережку раньше и шла дорога на Старцев Посох, да видишь – заросла. Народу там немного обитало, вроде как скит, не скит, хутор ли. В общем, двора три всего. Потом всех переселили. Еще при Хрущёве, однако. От жилья теперь, поди, и следа не осталось.

– А старец этот кто был?

– Да никто, в общем-то. Бродяга. Только у нас на Руси иной раз и последний плут может святым оказаться.

– Так он был плут?

– А вот послушай, – Саня сунул окурок под каблук и откинулся на лопатки, уложив голову на сцепленные пальцы.

Как положено – пауза.

Короткий вдох и поехали:

– Было это давненько. Уже и старики не помнят, когда. Да и так ли оно было, как говорят? Но говорят вот что.

Пауза.

Я бросаю травинку и с улыбкой чешу ладонью лоб. Ох, дядька Санёк рассказчик.

– Стал появляться в окрестных деревнях Старец. Никто не знал, как его звать, и откуда он в эти места пожаловал. Ни с кем Старец не говорил, ходил в рубище, питался, чем Бог пошлёт. Придет к колодцу, помолится. Бабы положат ему в котомку хлеба, да яиц, он поклонится – и в поле. Сколько ни приглашали в дом, ночевать никогда не оставался. Одни говорили, что превращался он за околицей в волка; другие считали, что был это сосланный в каторгу бывший епископ. Болтали, в общем, всякое.

– Почему же считали, что он святой?

– А вот слушай.

Когда иной раз в деревне беда приключится – расшибется кто, или занеможет – Старец тут как тут. Глянут бабы утром из окошка, а он уж у дома стоит. При нем всегда посох – тяжелючая палка. Да не палка, а корень. Войдет Старец в избу, глянет на больного и велит рукой воды подать. Макнет в ковш свой посох, да потом на больного брызнет. Глядь, а тому уже и лучше. Люди радуются, Старца к столу тянут, угощения из погребца тащат, наливку. А Старец возьмет хлеба, поклонится хозяйке, да за порог. Пробовал его мужик силком за стол усадить. Глянул Старец на дурня, у того пальцы сами разжались, и рука онемела. Выпустил он плечо, на колени пал и давай креститься, прощения просить. Старец – за околицу.

Кто следом выбежит, смотрят кругом – нет никого.

– Вот жуть.

– Дальше слушай. Прознали про Старцев посох лихие людишки, разбойники. Думают: с такой чудесной штукой мы в городе нехилую деньгу зашибём. И стали они караулить Старца. Да только он как сквозь землю провалился. Уж в одной деревне баба при родах померла, а в другой – старик от заворота кишок преставился. Нет Старца. Тут и осень. Мужики повезли товар на ярмарку, у разбойников самая страда, ну и про Старца вроде как подзабыли.

К зиме ближе ехал полями на телеге мужик с мальчонкой. Тут на встречу тройка разбойничья. Чего везешь, мол? Тот: да вот купил детям гостинцев. Ну, шибанули его. А мальчишка успел в перелесок юркнуть. Ходят душегубы, клещут его ласково. А пацану хоть и страшно до смерти, он тихо сидит. Знает: попадётся – придавят, чтоб потом кого ненароком не узнал.

Тут откуда ни возьмись, у телеги Старец появился. «Что же это вы, божьи твари, дурным делом занимаетесь! – говорит. – Зло людям чините! Али не одна мать-земля вас вскормила, не одно солнце вас согрело? Даны вам соки земные и свет божий на доброе, а творите вы тёмное. Спросит вас матушка, какой ответ держать будете? Не простит вам сыра земля, не пустит более на свет белый, останетесь до скончания времен червями бездушными!»

Половина-то разбойников опомнились, разбежались кто куда грехи замаливать. А другие решили обмануть Старца. Повалились в ноги, плачут: «Прости нас, добрый человек! Не обучены мы никакому ремеслу, нет у нас никакого доброго промысла. Кабы дал ты нам свой посох, поехали бы мы на тройке по свету людей исцелять. А не дашь, так сколько мы еще крови невинной прольем, пока червями оборотимся? Будет эта кровь, старик, и на твоей совести!»

Обманули Старца. Упала с его глаз слеза, и сказал он душегубам: «Берите мой посох, коли помыслы ваши чистые!» Воткнул палку в землю и отступил на два шага. И стал он без силы волшебной обычным стариком. Тут навалились на него разбойники и закололи ножами. Схватились за посох, да только не могут его из земли выдернуть. Осерчала матушка, забрала назад свой дар. Уж они его и так и сяк, тянут во все стороны. И если раньше корень отдавал людям силу, то теперь стал её забирать. С каждым прикосновением к посоху разбойники становились всё слабее: вот уже и ноги их не держат, и зубы изо ртов вываливаются. Испугались душегубы, поползли прочь, как мерзкие змеи, да тут и испустили дух.

Дядька Саня умолк. Я подождал, подождал, да не выдержал:

– Ну? Что же дальше было?

– А вот и слушай. Когда наступило утро, очухался мужик, которого бандиты в телеге оглушили. Смотрит: старик в рубище мертвый лежит. А рядом пустило корни крепкое молодое дерево. А там, где упала слеза Старца – из земли ключик пробивается. Тут из леса и мальчонка вышел, который своими глазами видел, как всё случилось. Он-то всё и рассказал.

– И мальчонкой этим был дед твоего деда?

– Смешной ты. Нет, конечно. Мальчонка этот был Никола, который потом у святого ключа и основал селение Старцев Посох. Дерево к той поре вымахало необыкновенное, словно росло сто лет. А ручеек вот этот самый из того ключа и течет, – Саня кивнул головой в сторону мостка, из-под которого доносилось бульканье.

– Вот такая история. Так ли всё было или нет – никто не скажет. А только в Старцев Посох обманщикам да ворами лучше не соваться.

– Это почему?

– Место там чудесное, многие нашли у Ключа исцеление. За тыщи вёрст люди за водой священной к Старцеву Посоху ехали, детей, родителей привозили. Но есть одна особенность: если кто не покайся, да со злыми мыслями воды той отведаст, тому недолго жить – уходит сила в землю. С нечистой душой там делать нечего. Потому теперь и заросла туда дорога.

Дядька Саня посмотрел на меня:

– Но тебя я отвезу, Вадька! Поехали?

Я опешил. А дядька смотрит, глаз не спускает: чего же ты, дескать?

– Да ну тебя, – говорю, – сам-то пил с того ключа?

– Ты что, я ж сидел! Два года. Мы с ребятами в восемьдесят девятом тротил у шахтеров украли, рыбу глушить.

– И что, так и не раскаялся?

– Да бог бы с ней с рыбой... на рыбалке тогда брат мой погиб.

– Ну, ты же за то отсидел?

– Да не за то, Вадька, не за то...

– Ладно, хватит сказки рассказывать, поехали.

– Поехали, – согласился Саня.

Я запрыгнул в люльку, дядька стукнул по педали, и мотоцикл снова бешено затарахтел.

– Может, махнем? – уточнил мой спутник, кивнув головой в сторону Старцева Посоха.

– Да ну тебя!

Остаток пути до станции ехали молча.

Мысли мои, как вороньё, кружили над тяжелым брикетом травя-

ной пыли, припрятанным на дне сумки. Были в этом свёртке «и соки земные, и свет божий». Да только тёмное это всё, тёмное...